

УДК 801.731

Мескин Владимир Алексеевич

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Российский университет дружбы народов;
Российская Федерация, Москва, e-mail: vameskin@yandex.ru

**ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И МАКСИМ ГОРЬКИЙ:
ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА**

Автор статьи доказывает, что отношения Андреева и Горького все годы их знакомства были отношениями равновеликих художников слова, бескомпромиссно отстаивающих свои убеждения. Известные по многим мемуарным материалам философские дискуссии писателей здесь рассматриваются в связи с их типологически схожими произведениями. Расстояние в сто и более лет позволяет делать вывод о справедливости именно андреевских взглядов на историю, на жизнь, на человека.

Ключевые слова: Леонид Андреев, Максим Горький, поэтика, мемуары, конфликт, споры о человеке, революция, история.

Vladimir A. Meskin

Doctor of Philology, Professor of the Department
of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Philology,
Peoples' Friendship University of Russia;
Russian Federation, Moscow

LEONID ANDREEV AND MAXIM GORKY: VIEW FROM XXI CENTURY

Abstract. The author of this article proves that the relations between Andreev and Gorky during all years of their acquaintance were the relations of equal-sized artists of the word, that both uncompromisingly defended their beliefs. Philosophical debates of these two personalities, well known by numerous memoirs, are considered here in connection with their typologically similar artistic creation. The distance of a hundred and more years allows to draw a conclusion about the justice and validity of Andreev's views on history, on life, on man.

Key words: Leonid Andreev; Maxim Gorky; poetics; memoirs; conflict; disputes about humankind; revolution; history.

Для цитирования:

Мескин, В. А. Леонид Андреев и Максим Горький: взгляд из XXI века // Гуманитарная парадигма. 2019. № 3 (10). С. 54–65.

Взаимоотношения Горького и Андреева с самого начала их знакомства привлекали повышенное внимание читателей, общественности¹. В письме к Горькому от 12 августа 1911 года Андреев имел основание писать: «Наша вражда или дружба не есть только наше личное дело». Позже интерес к этим отношениям сохранялся как к знаковой странице истории отечественной словесности. Материалов, имеющих к ним отношение — эпистолярных, мемуарных, — много. Вначале второй половины прошлого века внимание к перипетиям отношений двух больших писателей было поддержано выходом 72-го тома «Литературного наследства» (1965), публикацией их ранее неизданной переписки. Чтение писем Горького — Андрееву, Андреева — Горькому, наполненных то искренней любовью, то искренней ненавистью, не менее интересно, чем чтение их сочинений. Принципиальность разногласий не исключала тактических игровых ходов: желая сделать приятное адресату, случалось, адресант дезавуировал свои исходные позиции. Но в целом это была переписка личностей, озабоченных и поиском ответов на «вечные вопросы», и судьбой отечества.

Основательности дискуссиям Горького и Андреева придаёт тот факт, что в философско-содержательном плане их позиции были не только их личными позициями, так или иначе они корреспондировали с мыслительным опытом столетий, с интеллектуальными, подчас трагическими, исканиями многих и многих людей. Теперь, на расстоянии в сто и более лет, мы можем сказать, что по многим спорным вопросам прав оказался Андреев. Даже так: увы, прав оказался Андреев, потому что Горький выражал оптимистические взгляды на будущее, Андреев — другие. Конечно, частью интеллектуального сообщества андреевская правота предсказывалась, но вряд ли без сомнений в глубине души. Будущее представало, и предстаёт, как «тёмная даль».

В советские десятилетия отношения Горького и Андреева описывались как отношения старшего и младшего брата. Эта тональность вольно или невольно была задана самим Горьким в мемуарном очерке об Андрееве, который вошёл в «Книгу памяти о Леониде Андрееве» (1922), позже была по-своему поддержана властями, объявившими Горького «первым писателем». Первый — априори правый во всех спорных вопросах. Издание «Книги» было инициировано самим Горьким вскоре после смерти писателя. Нельзя не заметить, что в этом очерке, признаваясь в бесконечной любви к покойному

¹ Опросы общественного мнения, которые регулярно проводили литературные журналы в начале XX века, показывали, что М. Горький и Л. Андреев, наряду с Ф. Сологубом и А. Куприным, были тогда самыми популярными, самыми читаемыми авторами. [См.: 3, с. 470].

другу, Горький смотрит на него как бы снисходительно, с сознанием своей правоты, как на человека умного, но ошибающегося. Через весь очерк проходит мысль: Андреев мало знал и искусство, и жизнь и даже завидовал широкому кругозору Горького. Эту мысль он будет высказывать и позже. Например, в 1925 году, в своём Предисловии к публикации романа «Сашка Жегулев» (1911) в США Горький отметит, что «действительность почти не интересовала Андреева, он мало знал её и видел „сквозь тёмные очки”» [7, с. 402]. Парадокс в том, что Горький здесь одновременно и прав, и не прав. Знал Андреев, может быть, действительно мало, но точно — много понимал.

Много раз сказано, что Горький ввёл Андреева в «большую» литературу, что какое-то время был его наставником, опекуном. В этом есть доля преувеличения. Как известно, читательское признание пришло к Андрееву весной 1898 года, с публикацией рассказа «Баргамот и Гараська», Горький получил известность лишь годом ранее, а его первая большая публикация, двухтомник «Очерков и рассказов» случилась незадолго до их знакомства по переписке. Заметим, Андреев был на пять лет моложе, следовательно, и прославился в более раннем возрасте. Да, Горький мог рекомендовать Андреева издателям, в частности издателю его первой книги «Рассказов» (1901), вышедшей с посвящением «Алексею Максимовичу Пешкову», но об наставничестве-учительстве говорить не приходится. У Андреева вообще не было периода ученичества. На начинающего прозаика практически сразу обратили внимание все известные литераторы и справа, и слева, и Л. Толстой, и А. Чехов, а это не случается по чьей-то рекомендации. Андреев поощрительно называл Горького «рыцарем духа», но сам не имел желания принять кодекс горьковского рыцарского ордена. Он почтительно говорил о своём единомыслии с Горьким, но трудно найти этому подтверждение в художественном творчестве, разве только в его газетной публицистике, где он был «другой», решительно осуждал «людей теневой стороны». Достаточно трудно найти писателя Андреева под маской фельетониста газеты «Курьер» начала двадцатого столетия.

Странный авторитет выбрал Горький, чтобы выразить своё восхищение автором «Баргамота и Гараськи», почувствовав «крепкое дуновение таланта». Он вспомнил Н. Помяловского, писателя очень далёкого от Андреева. При этом горьковская трактовка основного содержания рассказа, «умменькая улыбочка недоверия к факту» самого автора, не вызывает возражений [5, с. 7]. Горький вообще был проникновенным критиком, Андреев ждал его мнений о своих произведениях. С мнениями, как правило, не соглашался, но ждал.

Горький вспомнил Помяловского, но с тем же сомнительным успехом мог бы вспомнить кого-то другого из беллетристов-демократов начала второй

половины XIX века. Ему лично их школа была близка, из неё он вышел, ему была близка, но не Андрееву. Трудность Горького понятна: по большому счёту Андреева не с кем сравнивать, не от кого вести. Поздний Андреев в философском плане сближался с Ф. Достоевским, но не в плане формы, образности. Если всё-таки попытаться найти истоки андреевской палитры, то, вероятно, в первую очередь, придётся вспомнить его «любимых»: испанца-живописца Ф. Гойю и американца-романтика Э. По. Оба, заметим, были равнодушны к разного рода «безднам». Андреев уважал Горького как сильную талантливую личность, но Горький не был творческим авторитетом для Андреева: как писатели они «говорили на разных языках». Определённую роль сыграли различия в происхождении, образовании, опыте жизни, принадлежность к разным психотипам: Горький — ярко выраженный экстраверт-сангвиник, Андреев — столь же ярко выраженный интроверт-меланхолик. Однако главная причина коренится, думается, в чём-то ещё более глубоком, в какой-то метафизике мышления, в исторической интуиции.

Принято считать, что первые десять лет знакомства писателей связывала дружба, которая затем, особенно после поражения революции 1905 года, переросла в дружбу-вражду. Это мнение выразила К. Муратова в известной статье «Максим Горький и Леонид Андреев», открывающей упомянутый 72-й том «Литературного наследия». И это мнение заимствовано опять-таки у самого Горького, который отделил «пору... близкой дружбы» и пору «вражды», что не совсем соответствует действительности. Чтение переписки говорит о том, что скрытая дружба-вражда определяла их отношения с самого начала. «Не было почти ни одного факта, ни одного вопроса, — откровенничал Горький относительно всего периода отношений, — на который мы с Л. Н. смотрели бы одинаково» [Там же, с. 12]. Бесконечные споры по переписке были лишь продолжениями споров, завязывавшихся при личных встречах, и накал их возрастал от года к году. К началу второго десятилетия нового века отношения стали определённо враждебными, хотя и сохранялись, и дарились книги с приятными инскриптами.

Андрееву претил менторский тон Горького, прямые и косвенные указания, как писать, о чём писать, с кем дружить, где печататься. Настойчивые советы соединить творчество с политикой отвечали положениям статьи В. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905). Когда стало ясно, что Андреев не намерен следовать всем этим советам, сначала в письмах, затем и в публикациях, и Горький, и близкие ему критики-марксисты, например, А. Луначарский, В. Воровский, причислили Андреева к кругу писателей-предателей, «очернителей»,

«реакционеров», «мародеров» и т. п. Хлёсткая статья Горького с характерным названием «Разрушение личности» (1908) была во многом направлена против Андреева. Взаимное неприятие усилило разное отношение к разразившейся в 1914 году войне. В этом вопросе, как показала история, прав был Горький, выступивший против войны. Андреев, поддавшись имперскому шовинистическому угару, приветствовал начавшуюся мировую бойню «до победного конца».

Дискуссии были желанны для обоих писателей в период их вхождения в «большую» литературу: тому и другому важно было проверить свои взгляды на прочность, привлекая сильного оппонента. В письме к Горькому от 18 декабря 1900 года Андреев признавался, что ждёт их разговоров «с отчаянным нетерпением». Позже — стало иначе. Но вот, что очевидно: не замечать друг друга эти две вершины российской словесности не могли все два десятка лет знакомства.

Обобщение существовавших разногласий показывает, что так или иначе они касались вопроса о человеке разумном, о векторах и возможностях доминирующих в нём сил и страстей. Андреев с опаской смотрел на человека как такового. На предположение Горького, что истина в человеке, заметил: «Тогда это очень плохо, очень ничтожно...» [Там же]. Разногласия устных и эпистолярных споров переключивались в художественное творчество. Например, своё видение разрушающих потенциалов человеческого разума Андреев показал в рассказе «Мысль» (1902). Он воспринимал мысль как некую лживую и враждебную данность, как «злую шутку дьявола над человеком» [Там же, с. 25]. В следующем году Горький пишет поэму в прозе «Человек», своеобразный отрицательный отзыв на андреевский рассказ. «Мысль» — вот «оружье» горьковского Человека. «Человек — вперёд! и выше! все — вперёд! и — выше!» — таков рефрен поэмы. Сочинение Андреева, даже если не убеждает, сохраняет свою актуальность, сочинение Горького звучит слишком приторно.

Дебютировав рассказами о пробуждении человека в человеке, Андреев довольно скоро перешёл к описанию падения человека в человеке, закончил — романом «Дневник Сатаны» (1919). Сын тьмы пришёл на землю, чтобы посмеяться над человечеством, но проиграл и сам был осмеян. Горько плачет в финале Сатана, увидевший в смеющихся людях своё отражение. А ранее была написана философская повесть «Иуда Искариот» (1907). В ней изображено «вечное человечество», малодушно отказавшееся от своей вины за непризнание и убийство Спасителя, свалившее всю вину на Иуду.

Когда Андреев писал этапный рассказ «Бездна» (1901) о сокрытом в человеке звере, Горький писал пьесу «На дне» (1902), где вложил в уста

протагониста, Сатина, своё убеждение: «Че-ло-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо!». Данная сентенция не объемлет всего творчества Горького, но охватывает произведения полемические по отношению к Андрееву. Во многие публикации об Андрееве вошла фраза, приписываемая Л. Толстому: «Он пугает, а мне не страшно». Если эта фраза и была сказана великим писателем, истинность её сомнительна.

При этом Андреев являет собой, может быть, единственного литератора, у которого нет не страдающих персонажей. Мучаются, плачут, а чаще воют, у него и все люди, и все исчадия ада, и те, кого вешают, и те, кто вешает — у каждого «свой крест». Своё объяснение-убеждение он ясно изложил в письме Чуковскому: «Мне не важно, кто „он“, — герой моих рассказов: поп, чиновник, добряк или скотина. Мне важно только одно — что он человек, и как таковой несёт одни и те же тяготы жизни» [9, с. 503]. В «Книге памяти» мемуаристы, принадлежащие к разным художественным станам, не сговариваясь, перенимают друг у друга два сквозных мотива. Первый — Андреев жил в мучительном предчувствии катастрофы. Заметим, и она разразилась. Второй — мучения, боль его героев была его болью. Точнее всех это «второе» выразил тот же Чуковский: «Было очень много Андреевых, и каждый был настоящий» [5, с. 86]. Об этом, чисто андреевском, критик писал и позже: «Он невольно перенимал у своих персонажей их голос и манеры, весь их душевный тон, перевоплощался в них как автор» [9, с. 497]². «Много Андреевых» — это все его Петьки, Сашки, губернаторы, революционеры, его Иуда, Анатэма, Сатана, Магнус, о. Василий и т. д., и т. д.

Тут существенно ещё одно. Исследователям жизни и творчества Горького известно, он менялся, мог убеждать и переубеждать себя, отчасти к нему применима афористическая формула Луки, старика из «На дне»: «Во что веришь, то и есть». Умный Горький вряд ли в полной мере уверовал в марксизм. По крайней мере, в марксистскую партию он так и не вступил. Андреев был человеком иного склада, более бескомпромиссного и «безэволюционного», его, уже взрослого, легко узнать по гимназическому дневнику, уже тогда он желал и обещал «потрясти» своих будущих читателей картинами их жизни. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» — это не про него. Изъяны жизни занимали его и за письменным столом, и вне его. Андреев-фельетонист иронизирует в свой адрес: как хорошо он, сытый, пишет о голодных. Ирония не случайная. В упомянутых мемуарах Горький вспоминает сказанное однажды Андреевым: богатому сочувственно

²Позже об этом писали и другие исследователи, например: Э. А. Шубин [8, с. 52].

писать о бедных «так же приятно, как пить кофе после обеда». К слову, и Горький, и Андреев отличались исключительной щедростью.

Писатель Андреев оригинален и в том смысле, что за все годы работы в литературе он ничего не сказал о любви. По сути, он писатель одной темы — человек. Не приходится сомневаться, его мучили собственные видения inferнальной метафизики человека, тёмные начала по ту сторону границ психологии. Принято говорить о панпсихизме Андреева в драматургии, но панпсихизм проявился и в его прозе. Примечательно, с большей откровенностью Андреев излагал свои тягостные сомнения относительно рода людского не Горькому, а, например, Вересаеву [4, с. 407]. Горький не единожды укорял Андреева за пессимизм, Андреев в ответ выражал сомнение, что «бодрая беллетристика» будет способствовать усовершенствованию человеческой природы. Он, очевидно, вообще ни в какое усовершенствование не верил. Андреевский пессимизм был следствием его максималистских требований к жизни, к ближнему. У Горького был другой подход к проблеме. Не во всех, но во многих своих сочинениях он выражал веру в перевоспитание человека воздействием извне. Вероятно, эта вера помогла Горькому в начале 1930-х годов убедить себя, что строительство Беломорканала, по сути, рабским трудом ста тысяч заключенных есть «перековка», воспитание нового человека.

О том, какими были разными писателя, свидетельствует тот известный факт, что ничего не вышло из идеи написать в соавторстве пьесу о месте интеллигенции в революции. В результате неудавшегося союза в 1905 году появилась пьеса Горького «Дети солнца», чуть позже — пьеса Андреева «К звёздам». Примечательно, горьковские герои — химики-биологи, их инструмент — микроскоп, андреевские герои — астрономы, их инструмент — телескоп. Горький сетовал, что Андреев переносил их споры в сферу творчества и тем вредил себе. Но, во-первых, сам Горький был не свободен от этих «переносов», а во-вторых, вряд ли такой своеобразный диалог не шёл на пользу литературе.

Точка в спорах двух больших художников ещё не поставлена, но XX век дал немало оснований полагать, что «проект человек» далеко не совершенен, что мысль — это, образно говоря, лезвие ножа, лишённое ручки. Мысль, построившая газовые камеры, экстремальнее мысли, поднявшей в небо железные машины. Сейчас особенно ясно, Андреев взирал на явное и сущее шире, философичнее. В целом всё им написанное сохраняет свою актуальность. Сработало его преодоление временного, стремление показать узлы жизни с позиций и ретро, и перспективы. Нельзя сказать, что Горький не касался вопросов бытия, но его художественный мир, по сравнению

с художественным миром Андреева, чаще бытового мир, он актуален там, где отрывается от быта, от бытовой детерминированности.

Что их, безусловно, объединяло, так это то, что для обоих творчество было важной формой общественного деяния, часто важнейшей, делом жизни. Обоим было чрезвычайно важно знать, как их слово отзовется. «Несвоевременные мысли» Горький публиковал в 1917–1918 годах, рискуя собой. А вот поведенческая зарисовка, говорящая об андреевском отношении к творчеству. Горький вспоминает, как однажды в разговоре о Боге, дьяволе, о смысле жизни Андреев «побледнел, у него дрожали губы, в глазах сухо блеснул ужас» [5, с. 67].

Социальная философия Горького — его человековидение, историософия, понимание общественного прогресса — была созвучна, как уже говорилось, социальной философии социал-демократии в её российско-марксистском изводе. Это созвучие достаточно определённо отразилось, например, в романе «Мать» (1906), в «Сказках об Италии» (1911–1913). Историческое поражение этой философии, марксистской доктрины, отозвалось поражением Горького-художника в той сфере его творчества, в которой он выступал как политик. Андреев был знаком с социал-демократическими кругами, поддерживал их материально, даже пострадал за это, но таким образом лишь следовал моде. Ему были близки идеи справедливого переустройства общества, но он не верил в их осуществимость человеком. Андреева отталкивала жестокость баррикадной борьбы, особенно после кровавых событий 1905 и последующих годов. Свои сомнения он отобразил многократно, в частности, в провидческом аллегорическом рассказе «Так было» (1905). Революция — это кровопускание, и над теми, кто ожидал от неё чего-то другого, хохочет старый смотритель часов на древней городской башне, внимая скрипу маятника: «Так было — так будет. Так было — так будет». Коррелят на ту же тему — «Из рассказа, который никогда не будет окончен» (1907). Энтузиазм масс, идущих на смерть, навеян пробуждением мистического «оно», а ещё — весенним буйством природы. Название, содержание рассказа — всё говорит о вечном возвращении и обречённости светлых намерений. Названия этих двух произведений взаимозаменяемы.

Полагаем Горький не мог не вспомнить андреевское «Так было», когда писал свои «Несвоевременные мысли» (1918). Направление мышления у обоих писателей непосредственно после революции удивительно совпадало: Андреев тогда работал над статьёй «S.O.S». У обоих авторов, образно говоря, кричала душа.

Андреев предпочитал рисовать не конкретные социальные потрясения, а своё понимание этих потрясений, в частности, не узнаваемую

революционную ситуацию, а то бунтарство, которое лежит в природе человека и не даёт ему покоя, влечёт к низвержению существующего порядка, миропорядка, хотя бы и с непредсказуемыми последствиями. «Рассказ о семи повешенных» (1908) — редкое исключение обращения к конкретике. Андреев приветствует человеческую предрасположенность к бунту, противопоставляет её мещанской невзыскательности, довольству, и здесь он, можно сказать, близок Горькому.

Андреевское видение революционности, кроме названных произведений, несут ещё такие, например, рассказы, как «В тёмную даль» (1900), «Иностранец» (1901), «Набат» (1901), «Марсельеза» (1903), «День гнева» (1910). При всех приложенных усилиях Горькому не удалось уговорить Андреева отойти от абстракции, двигаться от типов к характерам, от революции вообще к революции грядущей, иначе говоря, «просветить» эту «тёмную даль». Андреев в письме к В. Немировичу-Данченко писал: «Проблема бытия — вот чему безвозвратно отдана мысль моя, и ничто не заставит её свернуть на сторону» [Цит. по: 6, с. 36]. Эпиграфом ко всему андреевскому творчеству может служить небольшая Андреева же аллегория «Стена» (1901). В ней концентрированно передано его видение жизни и всей человеческой истории. Поражённое язвами недугов, склонное к самоистреблению человечество рисуется здесь в смертельной схватке с тёмными стенами зла, порождающими эти недуги, эту взаимную ненависть и преграждающими пути к свету, свободе, счастью. Жизнь — бесконечная схватка: умирающие каждую секунду люди «бессмертны, как боги», но стенам нет конца. Андреев сторонился так называемого реализма. План содержания его похожих на реализм вещей, например, рассказов «Большой шлем» (1899) или «Жизнь Василия Фивейского» (1903,) далеко не реалистический.

Можно предположить, что Андреев чувствовал, что его произведения не очень-то созвучны времени, возможно, сомневался в их будущем. Есть пример, который можно трактовать как попытку писателя перестроиться. Судя по письмам к политически не ангажированным друзьям, к Вересаеву, Немировичу-Данченко, сомнения в своей уместности у Андреева особенно обострились в 1908 году, после публикации рассказа «Тьма» (1907) и возникшей после этой публикации изолированности. Не «Бездна», а «Тьма» сделала писателя нерукопожатным в кругах, ранее принимавших его. Вообще-то Андреева, прирожденного анахорета, вряд ли тяготило отшельничество, хотя он не раз как бы с сожалением говорил и писал о своём творческом и жизненном одиночестве, но в 1908 году что-то сломалось. Одиночество стало полным и нестерпимым. Андреев первый возобновил переписку с Горьким, которой не было около года, и в первом же письме, это был февраль 1908 года,

отказался от скандального рассказа: «„Тьма” — вещь жестоко неудачная, конфузная». В следующем же письме сообщал, что работает над произведением, которое «должно выяснить их отношения». Понятно, что за этим стоит желание как бы оправдаться, написать что-то против «Тьмы», может, даже желание понравиться Горькому. Ничего из этого желания не вышло.

Андреев работал тогда над романом «Сашка Жегулев» (1911). О косвенном обращении к Горькому могут свидетельствовать многие сюжетно-композиционные параллели, существующие между этим романом и романом Горького «Мать». Главные герои обоих произведений отрицают нормы жизни своих отцов, с сочувствием относясь к страданиям народа, оба с любовью относятся к матерям, матери того и другого верят в правоту сыновей, оба отказываются от любимых, от семейного счастья ради «дела», у того и другого есть старшие наставники и т. д. Много перекличек в поворотах сюжета, в характерах второго плана и даже в средствах их создания. В обоих романах речь идёт о жертвенности во имя светлых целей, в обоих романах герои не стали отступниками. Но, уходя от смыслообразующей идеи рассказа «Тьма», Андреев к ней же и приходит, но как бы с другой стороны. В рассказе революционер-бомбист, осознав всеисилие зла, «тьмы», призывает всех покориться ей. В романе всеисильное зло поглощает героя, он превращается в банального грабителя, осознаёт, что напрасно пожертвовал собой.

Примечательно, придумывая герою, Александру Николаевичу Погдину, псевдоним, автор заимствует отчество у Емельяна Ивановича Пугачёва, фамилию — от родных мест Степана Разина, от волжских Жигулей. Аристократичный Саша, вышедший из состоятельной семьи, опускается и морально, и физически, постепенно он превращается в грязного атамана шайки грабителей. В финале на справедливые упреки только что поруганной женщины из народа он отвечает в тоне бомбиста из «Тьмы»: «Молчать, дрянь! У-бью». Возможно, задумывая этот роман, Андреев, хотел создать что-то другое, но — себя не пересилил и снова вышел к картине бунта, к формуле «так было — так будет». Вполне ожидаемо, роман Горькому не понравился, примирение не состоялось. Пятнадцатью годами позже Горький положительно оценивал это произведение, написал Предисловие к его американскому издательству, но это уже не меняло дела.

«Сашка Жегулев» — роман интересный, но он не стоит в ряду лучших сочинений писателя. Возможно, причина именно в заданности замысла. Андреев не мог писать «своевременных книг».

Можно и нужно говорить, сколь различными писателями были Андреев и Горький, но совершенно бессмысленны дискуссии, кто из них значительнее, художественнее. Так же бессмысленно, как спорить, кто выше: Достоевский или Толстой. Каждый критически мыслящий читатель закономерно находит в них достоинства и недостатки. Совершенно нормально и то, что одни и те же индивидуальные особенности одни воспринимают как достоинства, другие — как недостатки. Тот факт, что они смотрели на мир, на человека по-разному, лишь обогащает нашу словесность. У каждого своя правда. И в их осуждениях-суждениях друг о друге есть толики правды. Горький имел основание называть Андреева «космическим пессимистом». Андреев был скуп на оценки, но однажды, что говорить, не без основания сказал о своём современнике: «Горький кончил тем, что установил одноглазие как догмат» [2, с. 484.].

По сравнению с Горьким написал Андреев совсем немного, но философский вес его произведений очень большой. В них писатель вложил свои тревоги, боли, искания правды, вложил, что называется, свою душу. Лёгкого, умиротворяющего чтения он не предлагал. Андреев обоснованно смотрел на своё творчество как на творчество профетическое. И вряд ли кто-то увидит завышенную самооценку в андреевском суждении: «И, может быть, земля, как вот эта сука, мечется в пустыне вселенной, ожидая, чтоб я оплодотворил её пониманием цели бытия...» [5, с. 32]. Упомянутая статья К. Муратовой заканчивается утверждением в адрес Андреева: «Его творческий опыт оказался на обочине широкого пути русской литературы» [6, с. 56]. Прошло два десятка лет и обнаружилась вся неправота этого утверждения. Востребован и андреевский опыт, и всё его творчество.

Литература

1. Андреев, Л. Н. «Летопись» и мемуары Шаяпина (Литературный дневник // Русская воля. 1917. 15–16 января) // Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М. : Наука, 1965. 630 с.
2. Из статей Андреева/ Публ. и коммент. В. Н. Чувакова// Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М. : Наука, 1965. С. 471–485.
3. Белый, А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М. : Художественная литература, 1990. 686 с.

4. Вересаев, В. В. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Воспоминания / Подгот. текста и примеч. В. М. Нольде и Ю. У. Бабушкина. М. : Правда, 1961. 536 с.
5. Книга памяти о Леониде Андрееве: Воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Б. Зайцева и др. Берлин ; Петербург, 1922. 191 с. С. 32.
6. Муратова, К. Д. Максим Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., Наука, 1965. С. 9–60.
7. О творчестве Леонида Андреева. «Сашка Жегулев». Предисловие Горького к роману. 1925 / Публ. А. И. Наумовой // Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М. : Наука, 1965. С. 400–406.
8. Шубин, Э. А. Художественная проза в годы реакции // Судьбы русского реализма начала XX века. Л. : Наука, 1972. 290 с.
9. Чуковский, К. И. Люди и книги. М. : Художественная литература, 1960. 670 с.

~